
Виступ Прем'єр-міністра України М.Я.Азарова

Примерно два месяца прошло с момента формирования нового правительства Украины. Что удалось сделать и что предстоит сделать? Какие первоочередные проблемы стояли перед правительством? Первое. Прежде всего это беспрецедентный в мировой практике спад в экономике. Мы потеряли более 15% ВВП, на строительстве более 50%. А в это время многие страны в худшем случае потеряли несколько процентов в темпах роста.

Второе. Беспрецедентный бюджетный кризис. Каждая вторая гривня, потраченная из бюджета, взята в долг. Была выстроена долговая пирамида, при которой, например в апреле, пришлось заплатить только по внутренним обязательствам 5 млрд грн., это примерно три годовых бюджета Академии наук. Только в апреле дефицит бюджета был больше 16% годовых (это трудно посчитать, но примерно). Почему трудно посчитать? Потому что очень много скрытого бюджета. Добавим к этому кризису состояние Нефтегаза. Громадные займы — это десятки годовых бюджетов Академии. Но и Нефтегазу должны примерно 9 млрд. грн. различные потребители газа.

Передо мной выступал академик Долинский, он говорил о применении средств, полученных по Киотскому протоколу, он назвал 20 миллионов. А куда ушли 500 миллионов, полученных по Киотскому протоколу? И вот сейчас японцы требуют, чтобы правительство отчиталось. Эти 500 миллионов должны были не просто быть потраченными, а потраченными на экологические мероприятия. Значит перед нами стоит задача восстановить в казначействе 4 млрд. гривен и ещё вложить 4 млрд.

грн., которые по обязательствам должна держава потратить на экологические мероприятия.

В предвыборном угаре раздавались квартиры. Ипотека сейчас должна вернуть 1,7 млрд. грн. банкам. Сейчас наступает срок оплаты платежей. Задумали приватизацию Одесского припортового завода. Собрали 800 млн. залоговых денег. Растратили, а сейчас надо отдавать, потому что идут судебные процессы. Украина зажата судебными процессами. Забрали газ у кого-то, а сейчас в суде разбирается проблема возврата, а суммы многомиллиардные. Забрали лицензию у компании ВАНКО, два года ничего не делали на шельфе, а сейчас ВАНКО предъявляет требования к правительству Украины — погасите нам убытки. Это тоже миллиарды. Государственный долг только за год увеличился в 4 раза, вместе с ним увеличились и выплаты на обслуживание. Можно очень долго перечислять проблемы, которые возникли в бюджетно-финансовой сфере.

Следующее, высокая цена на газ. С чем мы столкнулись? С тем, что в январе она была 330, в феврале 330, в марте 330, а уже в апреле должна быть 359. Если кто-то разбирается в экономике, он знает, что сейчас химию надо было бы остановить, потому что предельная цена на газ при производстве аммиака сейчас составляет 180 долларов за 1000 кубов, 180, а не 359. Какой у правительства был выход? Продолжать дальше затягивать удавку, петлю на нашей с вами шее или начать переговоры с Россией.

Четвёртая проблема. Абсолютное отсутствие системы управления. Борис Евгеньевич в своём докладе гово-

рил о постановлениях правительства, которые были приняты. Я вам должен доложить, что мы проанализировали их. 90% постановлений правительства не выполнялось. И никто даже не поинтересовался, как они выполняются. А ведь эта система абсолютной потери управления проникла до каждого села, каждого района, каждого городка. На примере Киева мы прекрасно видели, что забыли, что надо отвечать за состояние города.

Ну и закончить перечень проблем, которые можно было бы перечислять долго, ужасающей коррупцией, когда на всех уровнях управленцы смотрят на любую проблему, на любой вопрос сквозь призму — сколько составляет откат? Я работаю в системе государственного управления уже наверное 15 лет. Я такого никогда не встречал. Я был поражён. Это только неполный перечень проблем, с которыми столкнулось государство. Я уже сказал, что оставалось правительству делать? Первое, с чего мы начали — это очень непростые, тяжелейшие переговоры с российским руководством. На минутку поставьте себя на их место. А зачем мне менять прекрасный договор, с точки зрения России, в котором цена на газ на 10 лет определена в 450 долларов за 1000 куб. м.

А что я должен менять, если действует принцип в залоговом договоре «бери или плати». То есть сколько заложили в контракте, взял или не взял ты, заплати. Не просто заплати, а заплати ещё за недобор штрафные санкции. Хочу — я не буду брать штрафные санкции, а захочу — возьму и будешь платить. Мы что, могли с этим договором мириться? Нет, конечно. Переговоры иной раз продолжались по 5-6 часов, настолько они были напряжёнными. Тем не менее,

удалось найти компромисс и договориться. Страна получила передышку, в течение которой как раз и надо реализовать энергосберегающие мероприятия, о которых говорил академик Долинский.

Кроме того, в процессе переговоров, где газ был основным, возник целый ряд дополнительных направлений. Что для нас сейчас важно в условиях такой конъюнктуры рынка? Когда мы наблюдаем вторую волну кризиса, самую очевидную волну кризиса и связанное с этим падение спроса на нашу продукцию? Значит, нам надо делать то, о чём мы, находясь в оппозиции, говорили — загружать внутренний рынок, т.е. развивать металлоёмкое производство. А какое это металлоёмкое производство? Что у нас есть? Это прежде всего судостроение. Это прежде всего строительство, в котором идёт большое применение металла. Это агропромышленный комплекс, который должен потреблять всё больше и больше химикатов, т.е. то, что производит наша химическая отрасль. Именно поэтому правительство начало вести переговоры с Россией о серьезных проектах по оживлению нашей судостроительной промышленности. Ведь речь идёт об оживлении наших заводов.

Второе направление — авиастроение. Мне приходилось публично говорить: что это за авиастроение, которое выпускает единицы самолётов в год, 1—2 самолёта и то по государственному заказу. Над АН-48 мы бились из месяца в месяц, перечисляя копейку к копейке, выпустили самолёт, закупили его для государства. Это что, авиационная промышленность? Например, Бразилия производит 250 самолётов в год. Вот это я понимаю авиационная промышленность. Можем мы её реанимировать, оживить и запустить без

сотрудничества России, у которой, кстати сказать, те же самые проблемы? И рынок у нас должен быть общий. Легко ли идут переговоры в этой области? Нелегко. Мы планировали к 17 мая завершить, не получилось. Почему? Потому что каждая сторона исходит прежде всего из своих интересов и ещё не доверяет друг другу. Потому что пять лет были такими, когда доверие было утрачено полностью.

Энергетика. Перспективы развития нашей энергетики. Много разговоров в прессе ведётся о том, что готовы отдать ГТС. Во-первых, не готовы, во-вторых — она никому не нужна. Труба, вернее система газоснабжения, нуждается в серьезной модернизации. Мы должны получить на ней совершенно новые эффекты, совершенно новую рентабельность прокачки газа. Иначе она станет совершенно неконкурентоспособной по сравнению с обходными маршрутами. А в обход Украины уже начал строиться Северный поток и готов строиться Южный поток. Общая мощность в этих двух направлений, обходящих Украину, поглощает сегодняшние объёмы прокачки газа. По большому счёту, как только эти два газопровода войдут в строй, если Европа не прибавит, не увеличит объёмы прокачки газа, то эта труба станет Европе и России не нужна. Именно поэтому мы начали переговоры, как с Россией, так и с Европейским Союзом. Возвращаемся к идее создания газового консорциума, прежде всего имея в виду вложение необходимых ресурсов на строительство более мощных компрессорных перекачивающих станций, чтобы улучшить экономические показатели прокачки газа. Переговоры тоже идут не просто. На последней встрече в Сочи мы договорились в течение

двух месяцев эту проблему решить. И я только скажу: во-первых, мы ни от кого ничего не скрываем, а во-вторых, мы будем действовать решительно до такой степени, в какой считаем необходимым.

С целью стабилизации ситуации, прежде всего в бюджетно-финансовой сфере, нам удалось принять бюджет. Бюджет очень трудный и не просто трудный, тяжелейший. После той вакханалии, которая была в прошлом году, когда дефицит бюджета составлял около 16% или больше, мы его свели к 5%. Представляете, в три раза уменьшили дефицит бюджета. Можно критиковать бюджет как угодно, и я первый бы, наверное, его разбил, находясь в оппозиции, в пух и прах, потому что он не выделяет необходимых ресурсов на то, на это, на пятое, десятое. Но он и не может выделять. Не может, потому что для нас стоит на первом месте задача подъёма экономики. И поэтому мы максимально сократили все расходы, которые можно было сократить, и будем дальше сокращать и сконцентрировали ресурсы на решающих, на наш взгляд, направлениях.

Удалось стабилизировать ситуацию в Нефтегазе. вспомните, как наступает месяц уплаты за газ, начинается истерика в стране. Кто-нибудь какую-то истерику слышал, когда мы платили за март, за апрель. Никто. И не услышите. Впервые за март и за апрель Нефтегаз рассчитался.

Поддержка внутреннего рынка. Я не случайно сказал, что первая моя рабочая поездка была по Киеву. Это то, где мы можем начать серьезную работу, в том числе и по употреблению металла. Я посетил Московскую развязку, Мостовой переход, метро, Олимпийский. И это должно было дать

импульс всем, кто со мной был, чтобы сейчас максимально придать импульс крупным большим объектам, которые требуют металла и всего сопутствующего для развития внутреннего рынка. Мы пошли на то, что с 1 мая подняли, насколько смогли, заработную плату, пенсии и социальные выплаты.

Президент и правительство колоссальные усилия прилагают к тому, чтобы восстановить управляемость государством. Прошедшее празднование 9 мая, наряду с громаднейшим идеологическим и политическим уважением к этому празднику, было для нас ещё и примером — можем ли мы организовывать такие мероприятия в государственном масштабе и как работает система управления? Мы убедились, что позитив есть. Хотя и недостатков более чем достаточно.

Всё это в совокупности даёт нам сейчас возможность перейти к главному: проведению структурных реформ в стране и реформированию всех систем нашей жизни.

А сейчас я хочу после этого анализа перейти к тому, что мы хотели бы услышать в Академии, что хотели бы получить от Академии. Если мы именно сейчас не найдём решений на каких научно-технологических отраслях мы создадим двигатель ускоренного роста экономики, с идеей Украины как развитой державы придётся распрощаться навсегда. И это мы должны осознавать. И весь сейчас деструктив, который нам мешает, работает не против нас, мы пришли, мы выстоим. Он работает против Украины. Если найдём, то придётся решительно распрощаться со всей системой общественных отношений в экономике, политике, науке, гуманитарной сфере, которая досталась нам в наследство.

Глобальный финансово-экономический кризис наглядно продемонстрировал уязвимость современной структуры мировой экономики. Оказалось, что в ней больше финансовых пузырей, чем реальных активов, которые могут обеспечить долгосрочную стабильность и рост. Особенно вызывает беспокойство наличие в Украине вкладов низкого технологического плана. В Украине вклад новых технологий в экономический рост составляет доли процента, в то время как в Европе прирост ВВП — от 60 до 90%. Сегодня, к сожалению, научные достижения учёных Украины практически не задействованы в отечественной экономике. И об этом мои предыдущие ораторы говорили. И в первую очередь потому, что структура нашей экономики не способна впитывать научные разработки, а тем более генерировать их. Именно поэтому мы говорим, что структурная реформа для нас — это вопрос жизни и смерти. Украина оказалась не готовой к внедрению научно-технической продукции в промышленности, энергетике, жилищно-коммунальном хозяйстве, в тех отраслях, где потери от использования устаревших технологий являются особенно большими. Наше с вами задание изменить эту ситуацию. И важно уяснить, я провёл немало переговоров и твёрдо для себя понял, никто никогда не будет передавать нам новейшие технологии, технологии завтрашнего дня. Мы их должны создавать здесь, сами, и мы это умели раньше делать. Мы должны восстановить наше умение. Только создание и внедрение в производство отечественных разработок может сделать национальную экономику конкурентоспособной. Возникает вопрос — где эти разработки, где их творцы, где генераторы

научного поиска? С одной стороны, более 60 тыс. исследователей, выходцев из Украины, работают в научных центрах Европы, что подтверждает высокий класс нашей науки. С другой стороны, первые по рейтингу цитируемости научные публикации США имеют 43 млн. цитат, а НАНУ в тысячу раз меньше — 49 тысяч. Не будем сравнивать со США, сравним с Польшей — в 15 раз меньше. На образование мы тратим около 5,5 % ВВП. Это показатель, характерный для развитых стран. Что получается при этом? Что при нашей бедности мы готовим кадры для зарубежных научно-исследовательских коллективов. Нам нужна стратегия подготовки и возвращения успешных учёных для работы в отечественной экономике, в отечественных научных школах. Хватит экспортировать «мозги», нам нужно экспортировать патенты, услуги, наукоёмкую продукцию. Как заставить активную молодёжь работать в науке? Процент молодых учёных в 2009 году составлял лишь 3,3% докторов наук до 40 лет. При этом я ни в коем случае не являюсь сторонником каких-нибудь радикальных мер по омоложению. Я работал в научном коллективе и знаю, что наука требует времени и большого терпения. Другое дело, кому старшее поколение научных работников сможет передать свой опыт и наработки? То есть совершенно ясно, что молодёжь должна расти в условиях научных школ, в коллективах, где есть новаторство, преемственность, где присутствует нестандартность мышления, а иногда и парадоксальность мышления. И, конечно, должна быть создана мотивация. Я готов подписать постановление правительства и предоставить право научным руководителям наших институтов самим устанавли-

вать уровень оплаты труда. Фонд даётся научному коллективу, и руководитель сам определяет, кто, сколько должен зарабатывать. Давайте пойдём, Борис Евгеньевич, на эксперимент. Отменим уравниловку, отменим традиционные подходы.

Перед нами стоит большая задача — формирование научно-технического потенциала, адекватного современным вызовам мирового научно-технического развития. Будущее развитие Украины наше правительство связывает с внедрением инноваций и повышением роли человеческого фактора. Эта тема для нашей страны не нова. Об этом мы говорим последние лет 20. Однако, к большому сожалению, от разговоров до дела дистанция очень большая. Как бы мы критично не относились к сегодняшнему бюджету, вместе с тем мы значительно увеличили финансирование и науки, в том числе Академии наук. Я не буду подробно останавливаться. Борис Евгеньевич об этом говорил. Мы готовы рассматривать все инициативы Академии и поддерживать современные разработки, например на государственную поддержку инновационных инвестиционных проектов по повышению энергоэффективности энергосбережения. Вот тут, академик Долинский, вам широкое поле для деятельности, 2,7 млрд. было заложено в бюджете, в 600 раз больше, чем в прошлом году. Вот что такое выделение ключевых направлений и сосредоточение ресурса на решающих направлениях. Для нас энергосбережение — это решающее направление. Мы также приняли решение относительно подписания соглашения о сотрудничестве с Европейским центром ядерных исследований и выделили 1 млн. долларов на уплату

членских взносов, а вице-премьер-министру Семиноженко поручено подписать соответствующее соглашение. На поддержку различных проектов в авиастроении, космической отрасли также выделили колоссальную сумму — 1,5 млрд. грн.

Мы рассчитываем на то, что подъём этой отрасли, высокотехнологичной, инновационной, способен дать толчок развитию нашей экономики. В реальном секторе промышленности впервые на реализацию инновационных инвестиционных проектов будет направлено 1,8 млрд. грн. Я называю эти цифры, а сам думаю при этом — уже май заканчивается, для меня он уже закончен. Вот эти ресурсы необходимо использовать в течение 6 месяцев. И не просто использовать, а ещё дать результат. Всё, что я говорю, требует очень быстрой и очень эффективной работы от тех, кто в этом задействован. В ближайшие дни создадим Межведомственный совет для конкурсного отбора проектов и Владимир Петрович должен очень серьёзно и эффективно заняться этим вопросом.

Мы заканчиваем работу над налоговым кодексом. Практически в июне месяце этот кодекс будет передан в Верховный Совет Украины. В нём мы планируем расширить стимулы к инновационной активности отечественных предприятий и ускорению процессов их технологического перевооружения.

И, кстати, мы сейчас думаем вот ещё над чем. Путём непростых тяжелейших усилий нам удалось добиться передышки по газу. Но это вовсе не означает, что эту передышку наши предприятия, потребляющие газ, не должны использовать для модерниза-

ции, для энергосбережения. Мы сейчас решаем, как придумать механизм, который бы был направлен на модернизацию энергоэффективности, повышение энергосбережения. Я думаю, что мы такой механизм найдём.

Конечно, все цифры, которые я называл, не могут нас утешать и говорить, что мы сделали всё для развития науки. По мере того, как экономика будет становиться на ноги, как будет увеличивать поступления в бюджет, мы будем увеличивать бюджетную поддержку науки, в том числе академической. Но здесь важно поднять ещё одну проблему. На одну только бюджетную поддержку науки, в том числе академической, не должна опираться. Мы должны обязательно привлечь наш бизнес, производство, экономику для поддержки науки. А бизнес будет поддерживать науку только в одном случае: если увидит перспективу быстрой реализации научных разработок. Значит, уровень научных разработок должен быть таким, чтобы любому было понятно, что в 2—3 года, максимум 4 года можно достичь эффекта.

Уважаемые коллеги! Академик Вернадский сказал, что для развития науки необходимо признание полной свободы личности. Сегодня очевидно, что для развития государства необходимы признание и полная свобода науки. Украинское общество сегодня связывает свои надежды и успех государства с нашей с вами совместной работой, и мы не имеем права обмануть эти ожидания. Желаю вам успешного проведения сессии, поздравляю с наступающим Днём науки и хотел бы, чтобы каждый следующий день также был днем науки. Благодарю за внимание.